

Чехов Антон Павлович

Бабы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А72

А72 **Антон Павлович Ч.**
Бабы / Чехов Антон Павлович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 38 с.

ISBN 978-5-521-30195-9

ISBN 978-5-521-30195-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ селѣ Райбужѣ, какъ разъ противъ церкви стоитъ двухъэтажный домъ на каменномъ фундаментѣ и съ желѣзной крышей. Въ нижнемъ этажѣ живетъ съ своей семьей самъ хозяинъ, Филиппъ Ивановъ Кашинъ, по прозванію Дюдя, а въ верхнемъ, гдѣ лѣтомъ бываетъ очень жарко, а зимою очень холодно, останавливаются проѣзжіе чиновники, купцы и помѣщики. Дюдя арендуетъ участки, держитъ на большой дорогѣ кабакъ, торгуетъ и дегтемъ, и медомъ, и скотомъ, и сороками, и у него ужъ

набралось тысячъ восемь, которыя лежатъ въ городѣ въ банкѣ.

Старшій сынъ его Ѳедоръ служитъ на заводѣ въ старшихъ механикахъ и, какъ говорятъ про него мужики, далеко въ гору пошелъ, такъ что до него теперь рукой не достанешь; жена Ѳедора, Софья, некрасивая и болѣзненная баба, живетъ дома при свекрѣ, все плачетъ и каждое воскресенье ѣздитъ въ больницу лѣчиться. Второй сынъ Дюди, горбатенькій Алешка, живетъ дома при отцѣ. Его недавно женили на Варварѣ, которую взяли изъ бѣдной семьи; это баба молодая, красивая, здоровая и щеголиха. Когда останавливаются чиновники и купцы, то всегда требуютъ, чтобы самоваръ имъ подавала и постели постилала непременно Варвара.

Въ одинъ июньскій вечеръ, когда за-

ходило солнце, и въ воздухѣ пахло сѣномъ, теплымъ навозомъ и парнымъ молокомъ, во дворъ къ Дюдѣ вѣхала простая повозка, на которой сидѣло трое: мужчина лѣтъ 30-ти въ парусиновомъ костюмѣ, рядомъ съ нимъ мальчикъ лѣтъ 7—8 въ длинномъ черномъ сюртукѣ съ большими костяными пуговицами и молодой парень въ красной рубахѣ за кучера.

Парень распрягъ лошадей и повелъ ихъ на улицу прохаживать, а прїѣзжій умылся, помолился на церковь, потомъ разостлалъ около повозки полость и сѣлъ съ мальчикомъ ужинать; ѣлъ онъ не спѣша, степенно, и Дюдя, выдавшій на своемъ вѣку много проѣзжихъ, узналъ въ немъ по манерамъ человѣка дѣлового, серьезнаго и знающаго себѣ цѣну.

Дюдя сидѣлъ на крылечкѣ въ одной

жилеткѣ, безъ шапки и ждалъ, когда заговорить прїѣзжій. Онъ привыкъ къ тому, чтобы прїѣзжіе по вечерамъ на сонъ грядущій рассказывали всякія исторіи, и любилъ это. Его старуха Аѳанасьева и невѣстка Софья доили подъ навѣсомъ коровъ; другая невѣстка, Варвара, сидѣла у открытаго окна въ верхнемъ этажѣ и ѣла подсолнухи.

— Мальчишка этотъ твой сыночекъ будетъ, стало?—спросилъ Дюдя у прїѣзжаго.

— Нѣтъ, пріемышекъ. Сиротка. Взялъ его къ себѣ за спасеніе души.

Разговорились. Прїѣзжій оказался человекомъ словоохотливымъ и краснорѣчивымъ, и Дюдя изъ разговора узналъ, что это мѣщанинъ изъ города, домовладѣлецъ, что зовутъ его Матвѣемъ Саввичемъ, что ѣдетъ онъ теперь смо-

трѣть сады, которые арендуетъ у нѣмцевъ-колонистовъ, и что мальчика зовутъ Кузькой. Вечеръ былъ жаркій и душный, спать никому не хотѣлось. Когда стемнѣло, и на небѣ кое-гдѣ замигали блѣдныя звѣзды, Матвѣй Савичъ сталъ рассказывать, откуда у него взялся Кузька. Аѳанасьевна и Софья стали поодаль и слушали. Кузька пошелъ къ воротамъ.

— Это, дѣдушка, исторія подробная до чрезвычайности, началъ Матвѣй Савичъ, и если тебѣ рассказать все, какъ было, то и почи не хватитъ. Лѣтъ десять назадъ, на нашей улицѣ, какъ разъ рядомъ со мной въ домишкѣ, гдѣ теперь свѣчной заводъ и маслобойня, жила Марѳа Симоновна Каплунцева, вдова-старушка, и у нея было два сына: одинъ служилъ въ кондукторахъ на чу-

гункѣ, а другой, Вася, мой сверстникъ, жилъ дома при маменькѣ. Покойный старикъ Каплунцевъ держалъ лошадей царъ пять и посылалъ по городу ломовыхъ извозчиковъ; вдова этого дѣла не бросала и командовала извозчиками не хуже покойника, такъ что въ иные дни чистаго рублей пять выѣзживали.

И у парня тоже доходишки были. Голубей породистыхъ разводилъ и продавалъ охотникамъ; бывало, все стоитъ на крышѣ, вѣникъ вверхъ швыряетъ и свиститъ, а его турманы подъ самыми небесами, а ему все мало и еще выше хочется. Чижей и скворцовъ ловилъ, клѣтки мастерилъ... Пустое дѣло, а гляди по пустякамъ рублей десять въ мѣсяцъ набѣжить. Ну-съ, по прошествіи времени, у старушки отнялись ноги, и слегла она въ постель. По при-

чинѣ такого факта домъ остался безъ хозяйки, а это все равно, что человѣкъ безъ глаза. Захлопотала старушка и надумала оженить Васю. Позвали сейчасъ сваху, пятое-десятое, бабьи разговоры, и пошелъ нашъ Вася невѣсть глядѣть. Засваталъ онъ у вдовы Самохвалихи Машеньку. Не долго думая, благословили и въ одну недѣлю все оборудовали. Дѣвочка молодая, лѣтъ семнадцати, маленькая, кургузенькая, но лицомъ бѣлая и пріятная, со всѣми качествами, какъ барышня; и приданое ничего себѣ: деньгами рублей пятьсотъ, коровенка, постель... А старуха, чуяло ея сердце, на третій же день послѣ свадьбы отправилась въ горній Іерусалимъ, идѣже нѣсть ни болѣзней ни воздыханій. Молодые помянули и зажили. Прожили они съ полгода ве-

ликолѣннымъ образомъ и вдругъ новосгоре. Пришла бѣда, отворай ворота: потребовали Васю въ присутствіе жеребій вынимать. Взяли его сердягу въ солдаты и даже льготы не дали. Забрили лобъ и погнали въ Царство Польское. Божья воля, ничего не подѣлаешь. Когда съ женой во дворѣ прощался—ничего, а какъ взглянулъ въ послѣдній разъ на сѣнникъ съ голубями, залился ручьемъ. Глядѣть было жалко. Въ первое время Машенька, чтобъ скучно не было, взяла къ себѣ мать; та пожила до родовъ, когда вотъ этотъ самый Кузька родился, и поѣхала въ Обоянь къ другой дочкѣ, тоже замужней, и осталась Машенька одна съ ребеночкомъ. Пять ломовыхъ мужиковъ, народъ все пьяный, озарной; лошади, дроги, тамъ гляди заборъ обвалился, или въ трубѣ са-

жа загорѣлась—не женскаго ума дѣло, и стала она по сосѣдству ко мнѣ за всякимъ пустякомъ обращаться... Ну, придешь, распорядишься, посоветуешь... Извѣстное дѣло, не безъ того, зайдешь въ домъ и чаю выпьешь, поговоришь... Человѣкъ я былъ молодой, умственный, любилъ поговорить о всякихъ предметахъ, она тоже была образованная и вѣжливая. Одѣвалась чистенько и лѣтомъ съ зонтикомъ ходила. Бывало, начну ей про божественное, или насчетъ политики, а ей лестно, она меня чаемъ и вареньемъ... Однимъ словомъ, чтобъ долго не расписывать, скажу тебѣ, дѣдушка, не прошло и года, какъ смутилъ меня нечистый духъ, врагъ рода человѣческаго. Сталъ я замѣчать, что въ который день не пойду къ ней, мнѣ словно не по себѣ, скучно. И все при-

думаваю, зачѣмъ бы къ ней сходить. „Вамъ, говорю, пора зимнія рамы вставлять“, и цѣлый день у ней прохлаждаюсь, рамы вставляю и норовлю еще на завтра рамы двѣ оставить. „Надо бы голубей Васиныхъ сосчитать, не пропали бы которые“ — и все такъ. Все, бывало, съ ней черезъ заборъ разговариваю и подъ конецъ, чтобы не далеко было ходить, сдѣлалъ я въ заборѣ калиточку. На этомъ свѣтѣ отъ женскаго пола много зла и всякой пакости. Не только мы грѣшные, но и святые мужи совращались. Машенька меня отъ себя не отвадила. Вмѣсто того; чтобъ мужа помнить и себя соблюдать, она меня полюбила. Сталъ я замѣчать, что ей тоже скучно и что все она около забора похаживаетъ и въ щелки въ мой дворъ смотреть.